

На правах рукописи
УДК: 130.2 + 001.8

МАРТЫНОВ Владимир Анатольевич

Реализм и конструктивизм в культурологии

Специальность: 5.10.1 Теория и история культуры (культурология)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора культурологии

Санкт-Петербург
2023

Работа выполнена на кафедре филологии, журналистики и массовых коммуникаций Частного учреждения образовательной организации высшего образования «Омская гуманитарная академия»

Официальные оппоненты:

ГОЛИК НАДЕЖДА ВАСИЛЬЕВНА

Доктор философских наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник Социологического института Российской академии наук, филиала Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук»

ЛИСЕНКОВА АНАСТАСИЯ АЛЕКСЕЕВНА

доктор культурологии, доцент, директор Высшей школы общественных наук Гуманитарного института Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

ХЛЕВОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры Института общественных наук и международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Севастопольский государственный университет»

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный институт культуры»

Защита состоится 18 декабря 2023 года в 15:00 часов на заседании Диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук 33.2.018.14, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», по адресу: 197046, г. Санкт-Петербург, ул. Малая Посадская, 26, ауд. 317.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, корп.5) и на сайте университета по адресу: https://dissertation.spb.ru/Preview/Karta/karta_000000959.html

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор культурологии, доцент

Янутш Ольга Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Постановка проблемы

Положением, которое является фундаментально аксиоматичным для настоящего диссертационного сочинения, является следующая констатация академика В.А. Лекторского: «Выйти за пределы оппозиции конструктивизма и реализма в эпистемологии нельзя». Это верно не только для эпистемологии как академической дисциплины, но и для всего научного знания в целом, особенно для гуманитарного, особенно для культурологии. Все серьезные конфликты в сегодняшней культурологии сегодня связаны с ним. Поэтому поиски способов преодоления этих конфликтов следует искать в первую очередь в контексте оппозиции «реализм/конструктивизм». Это тот контекст, который является «главным» сегодня.

Это положение не является чем-то абсолютно бесспорным. Вопросов много. Самый общий: «Контекстов всегда много, почему вдруг среди них следует фиксировать “главный контекст”?». Сразу следующий: «Почему этим «главным контекстом» является эпистемологическая оппозиция? Не перегружаем ли мы культурологию эпистемологией? Тогда каждый культуролог должен хотя бы отчасти стать эпистемологом? Ответ: да, проблема есть. Оглядка на «дихотомию Лекторского» усложнит работу культуролога. Но дело в том, что императив эпистемологической ответственности культурологии не является искусственной конструкцией, только что изобретенной. Первичность эпистемологического самоопределения в любой исследовательской ситуации является фундаментальным императивом сегодняшнего знания о культуре. Можно назвать это «поворотом к эпистемологии», и произошел он не вчера, а тогда же, когда «поворот» внутри собственно эпистемологии стал важнейшим фактором цикла наук о культуре. Около тридцати лет назад знание о культуре стало «поворотным», и чем более исследования культуры становились «поворотными», тем больше каждый исследователь становился эпистемологом. В сегодняшнем западном академическом знании каждый серьезный исследователь культуры в первую очередь – эпистемолог. Так это в культурной антропологии, лидеры которой – именно эпистемологи прежде всего. Такова исследовательская позиция Л. Абу-Лугход, К. Диркса, М. Иви, К. Ломница, М. Мамдани, Дж. Маркуса, Б. Мессика, Р. Моррис, К. Накамуры, А. Пандиана, Э. Повинелли, Дж. Пембертона, П. Рабинова, О. Симпсон, М. Тауссига, П. Чаттерджи, Л. Шарп, Н. Шепер-Хьюз, Н. А. Эль-Хадж и многих других.

Тем более эпистемологически нагружена собственно сама западная культурология, а именно “cultural studies”. С поправкой: ранние культуральные исследования¹ Э.П. Томпсона, Р. Уильямса, Р. Хоггарта, раннего С. Холла не

---

¹ Словосочетание “cultural studies” в России часто переводят на русский язык выражением «культурные исследования». Это некорректно. По законам русского языка это акцентирует «высококультурность» бирмингемского проекта. А это ровно то, с чем С. Холл и его коллеги

были «поворотными», соответственно и эпистемологически перегруженными они не были. Но, начиная с дискуссии Томпсона и Холла о «суперструктурах» в конце 1970-х г., культуральные исследования стали именно в первую очередь принципиально эпистемологически ориентированным исследовательским проектом. Сам С. Холл, его ученики Т. Беннетт, Ш. Брундон, П. Гилрой, Л. Гроссберг, А. Макробби, П. Уиллис, Д. Хебдидж – исследователи, никогда не забывающие о своей миссии передовых эпистемологов. Такими же «миссионерами» конструктивистской эпистемологии были и являются сегодня П. Аласутари, М. Андреевич, К. Баркер, Т. Джефферсон, С. Дюринг, Д. Инглис, Д. Келлнер, Дж. Кларк, Н. Колдри, Дж. Макгиган, Т. Миллер, Д. Морли, Д. Освел, А.К. Пертиерра, Г. Родмэн, К. Спаркс, Т. Стрифас, Дж. Стрэттон, М. Уайт, Д. Уолтон, Дж. Хартли, И. Чемберс, К.-Х. Чен, Дж. Швоч, И. Энг и другие.

Такова же ситуация во всех новых «поворотных» «науках о культуре», в “body studies” (С. Бордо, Л. Вакант, Д. Вейнберг, С. Делэйни, П. Гилберт, Н. Салливан, Н. Ричардсон, Б.С. Тёрнер, С. Файерстоун, Л. Энтерлайн), в “fashion studies” (Х. Дженс, И. Кавамура), в “memory studies” (А. Ассман, С. Шмидт), в “trauma studies” (Дж. Болтер, С. Дюррант, Р. Иглстоун, О. Ифоводо, С. Крэпс), в “popular culture studies” (Р.Б. Браун, А. Макробби, Дж. Стори, Д. Стринати, Дж. Фиске) и т.п.; в современном феминизме (т.е. в «постфеминизме») и постколониализме².

воевали. Хоггарту, Холлу и Томпсону не составило бы труда назвать свой проект “culture studies”, если бы они беспокоились о его «культурности». Но они выбрали слово “cultural”. Вот его и надо использовать. “Cultural” – это не то же, что «культурный», это то, что имеет отношение к культурализму, к пониманию культуры как «образа жизни» (Р. Уильямс). Недавно это было решительно подчеркнуто крупнейшими теоретиками П. Рабиновым и Дж. Маркусом. Поэтому в данной диссертации в качестве русского эквивалента выражения “cultural studies” используется сочетание «культуральные исследования». Впервые предложили говорить по-русски о cultural studies как о «культуральных исследованиях» А. Эткинд и П. Лысаков в 2006 г.

² Анализ поворотной природы постфеминизма и постколониализма дан в п. 2.3. Там же – ответ на вопрос, почему постфеминизм и постколониализм системно связаны с новыми «науками о культуре», прежде всего с культуральными исследованиями. Краткий ответ таков: почти все лидеры постфеминизма, будучи социальными философами и эпистемологами, «по совместительству» являются экспертами в области эстетики, искусствознания, теории кино, литературоведения, т.е., определенно – культурологами. Таковы Дж. Батлер, Р. Брайдотти, Э. Брукс, Э. Гаррисон, М. Грей, Л. Иригарэ, Т. де Лаурентис, Л. Липпард, Л. Нохлин, К. Оуэнс, Г. Поллок, Э. Сиксу, С. Файерстоун, Э. Фридман, Д. Харауэй, Л. Хейвуд, С.Н. Хесс-Бибер. Та же ситуация в постколониализме. Культурологом был отец-основатель постколониализма Э. Саид, культурологами были и остаются его последователи Х. Бхабха, Н. Гилрой, Г. Спивак. Н. Гилрой был участником бирмингемских “cultural studies”. А один из основателей культуральных исследований С. Холл, учитель Гилроя, был одним из создателей постколониализма. Постколониальной культурологией являются «классические» постколониальные исследования Ф. Азима, П. Брэнтлингера, Г. Гриффитса, Н. Лиска, С. Майер, Дж. Маккензи, Э. Макклинток, Дж. Маклеода, С. Сулери, Х. Тиффина, Дж. Шарп, Б. Эшкрофта и многих других ученых.

В этой перспективе императив эпистемологической ответственности культурологии оказывается чем-то почти общепринятым, почти нормой. Но тогда в чем революционность призыва к эпистемологическому самоопределению культурологии? А дело в том, что у эпистемологических программ культуральных исследований и близких к ним «наук о культуре» есть некие внутренние границы, в контексте которых «дихотомия Лекторского» является именно революционной. Современная «критическая теория», на которую ориентированы эпистемологические программы наук о культуре, радикально критична по отношению к «классической» метафизике, но избыточно лояльна по отношению к самой себе, к собственным эпистемологическим основаниям, т.е. к конструктивизму. В полную противоположность этому позиция, заданная «дихотомией Лекторского», является подлинно и последовательно критичной. Императив Лекторского требует, чтобы критицизм был последовательным и твердым; вместо эпистемологической ангажированности он предлагает эпистемологическую ответственность³. Исследовательские программы должны опираться на понимание аксиоматики реализма и конструктивизма, на позицию каждого внутри «дихотомии Лекторского».

В соответствии с этим императивом уже в точке постановки вопроса кратко аксиоматика и определения. Вначале то, что говорит о себе сам конструктивизм. В самой общей формулировке «в рамках философии конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием» (И.Т. Касавин). Затем немедленно должно идти уточнение: конструирование задается языком, словом. «Слово не обозначает предмет, оно конструирует его» (А.Л. Никифоров). «Слово оказывает решающее воздействие на то, что мы видим», «слово конструирует объект, интерпретируя чувственные впечатления определенным образом, объективируя его, придавая ему статус самостоятельного независимого от нас объекта, обладающего теми или иными свойствами» (он же).

Здесь уточнение. Потому что, если сделать акцент на языке, тогда можно подумать, что конструктивизм – это какое-то локальное направление в философии, возникшее в философии после середины прошлого века, после так называемого «лингвистического поворота», после публикации исследований Дж. Остина об акте высказывания и поздних работ Л. Витгенштейна, после заявления Ж. Лакана о «Стене языка» между миром говорящего и внешним миром. А главное иное, не семиотика. Главное – понимание природы знания, интерпретация вопроса об истине. Отказаться от истины как фундаментального теоретического термина конструктивизм не хочет и манифестирует не

---

³ О необходимости «поворота» культурологии к эпистемологии недавно выразительно высказался А.В. Бондарев: «Необходимо осознать значимость эпистемологической рефлексии для культурологии и культурологов, нужны специальные исследования, нацеленные на эпистемологическую проблематизацию самих основ культурологии».

ликвидацию истины, а усложнение её интерпретации: «Нормативный образ истины уступает место его дескриптивному пониманию, складывающемуся в контексте взаимного сравнения и диалога различных идей, теорий и форм знания, связанных с ними практик и социальных реальностей» (И.Т. Касавин). Но дело в том, что понятие истины для того только и изобреталось, чтобы различать более истинное знание о вещах от менее истинного. А в конструктивизме попытки «демаркации знания на совершенное и несовершенное» категорически недопустимы. Значимость понятия истины в этих обстоятельствах неизбежно понижается. Это и происходит. Истина определенно перестает быть ценностью абсолютного порядка, поэтому «для целого ряда философских учений и направлений понятие истины вообще утрачивает какую-либо значимость (философия жизни, экзистенциализм, структурализм, постмодернизм) и объявляется “устаревшим”, “бесмысленным”» (он же). Попыткой подняться над этими «дефляционистскими подходами» является новейшая социальная эпистемология. Теорией истины оказывается такая формула: «Истинное знание – это знание, ... имеющее смысл относительно некоторых социокультурных координат» (он же). Но слово «культура» здесь окказионально. У творцов новейшей социальной эпистемологии Д. Блура и С. Фуллера его нет. Все-таки это эпистемология именно «социальная», а не «социокультурная». Так это и для И.Т. Касавина, как для руководителя сектора «Социальная эпистемология» Института философии РАН. И тогда социальную контекстуализацию знания в новейшей формулировке И.Т. Касавина нельзя не связать с социальной критикой знания, идущей от критической теории к постструктурализму, к культуральным исследованиям, к постколониализму и постфеминизму. Потому что социологизация истины – общий выбор всего «неклассического знания». Нет истины, а есть истина белых и черных, мужчин и женщин. «“Разум” или рациональность – это просто идеологическое оружие, которое мужчины используют против женщин» (Э. Брукс). Это аксиома новейшего феминизма. Она же – фундамент культуральных исследований, для которых знание – собственность власти, а «истина случайна и специфична для... условий её производства» (Ч. Баркер), поэтому cultural studies «не нуждаются в концептах истины и лжи» (Ч. Баркер).

В этом все и дело. Реализм и конструктивизм – два принципиально противоположных способа понимания науки, работы ученого, две «формы философского мышления» (в терминах М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева). И это два способа отношения к истине. До конца XIX в. сомнений в том, что история науки – это история накапливания опыта в общем деле поиска истинного знания о мире, не было. Критика объективности истины в логическом позитивизме и социологии знания становится началом «эпистемологического поворота», после чего «последовательное и прогрессивное развитие философии науки вдруг было прервано и задачей философии науки было провозглашено не изучение науки и её истории, а

критика науки (А.Л. Никифоров). Наука больше не накапливает эвристический опыт, для конструктивизма это принципиально, с сомнения в возможности эвристического понимания науки история конструктивизма и начинается. «Критическая теория» (её история начинается с 1930 г.), лакановский «постфрейдизм» (с 1950 г.), «постструктурализм» (с 1960 г.), «постмодернизм» (с середины 1960-х г.) – вехи поворота знания к конструктивизму⁴. Уже в 1970 г. Мамардашвили, Соловьев и Швырев зафиксировали утрату реализма в западной эпистемологии, а к 1990 году конструктивизм стал методологической и эпистемической нормой, той рамкой, в которой все в целом научное знание стало собираться в новую парадигму. В том числе и в России уже тридцать лет назад обычным было мнение, что реализм мертв, окончательно и бесповоротно, что эпистемологический конструктивизм одержал полную победу.

Но, несмотря на эту давнюю уверенность, реализм свою жизнь продолжил. И в 1990-е, и позже. Обсуждения проблемы продолжались, а в последнее десятилетие обострились. Недавние дискуссии в журнале «Эпистемология и философия науки» замечательны тем, что дают возможность еще раз серьезно задуматься над проблемой. Оказывается, вопрос не закрыт, не является «окончательно решенным», как можно подумать, читая современные журналы. Вначале В.А. Лекторский заявил, что «большинство специалистов по эпистемологии и философии науки в мире занимают сегодня именно реалистическую позицию». Затем в рамках одной из дискуссий Е.О. Труфанова провозгласила, что «радикальный конструктивизм непродуктивен». А затем В.А. Лекторский объявил о начавшемся «реалистическом повороте»: «Будущее за конструктивным (деятельностным) реализмом как за современной формой эпистемологического реализма».

С этим решительным заявлением автор этой диссертации в основном согласен. Но есть оговорка. О возможности взгляда с другой стороны, из другой области. В.А. Лекторский и Е.О. Труфанова – философы. А еще они хорошо знают ситуацию в физике и психологии. Но это не вся наука. Есть еще гуманитарное знание. Интересно и то, что происходит у историков, литературоведов, искусствоведов. Причем не только тогда, когда они составляют общие теории, но и тогда, когда они приступают к своей работе в реальных условиях «полевых» исследований. Взгляд отсюда многое меняет. В.А. Лекторский разрешает себе позволить оптимизм намного больший, чем может позволить себе автор этой диссертации. Всматриваясь в практическую гуманитаристику, видно иное: конструктивизм разрастается. Реалистическое гуманитарное знание сдает свои позиции по всем «фронтам». И доминирование оказывается все большим и большим. В некоторых областях видно, как исчезают последние островки реалистической логики. Процесс, который является главным основанием для тревоги, таков: все трансформации институтов знания

---

⁴ Поэтому термины «критическая теория», «постструктурализм» вполне корректно употреблять в некоторых контекстах в качестве синонимов понятия «конструктивизм». Еще два синонима: «французская теория», «неклассическое знание».

происходят в пользу конструктивизма. Все инновации являются следствиями конфликтов, и все эти конфликты разворачиваются по одному сценарию: реализм всегда проигрывает, а конструктивизм, соответственно, выигрывает. Во всех институциональных инновациях все новое является конструктивистским. Конструктивизм уверенно завоевывает все новые и новые территории. Литературоведение в университетах США пережило тектоническую институциональную трансформацию (конструктивистски направленную). Антропология находится в процессе перехода к «новому». Наиболее устойчиво к «вирусу» конструктивизма история, опять же с оговоркой: наибольшим иммунитетом обладает социальная история. А вот та история, которая «отвечает» за историю культуры, наименее устойчива и почти уже целиком превратилась в конструктивистскую “cultural history”. Тогда оказывается, что оптимизм российских эпистемологов-реалистов избыточен, все серьезнее: есть территории, где конструктивизм наступает и побеждает.

В России конструктивистский поворот начался с опозданием на несколько десятков лет, и это особая ситуация. Повернув к западному гуманитарному знанию в 1991 г., мы приняли его уже в конструктивистской «упаковке», задумываться об устройстве этой упаковки времени не было. Конструктивизм стал нормой во многих практиках, то есть мы оказались внутри «эпистемологического поворота», хотя поворот принципиально не совершался. Поэтому господствует гетерогенность, мы живем и в конструктивистской, и реалистической парадигмах одновременно. Это создает особенную ситуацию, но вектор развития направлен в сторону западных эпистемологических стандартов, при этом, как часто бывает в России, само развитие является «ускоренным» (об общих особенностях культур, развивающихся «ускоренно», писал Г. Гачев). Поэтому наши сообщества, принципиально принявшие программу конструктивизма, являются эпистемологически нагруженными как бы вдвойне⁵. Вот как раз в этой среде хорошо осознается значимость оппозиции «конструктивизм / реализм». Потому что осознанность проблемы ведет к большей эффективности экспансионистской политики.

Для российской культурологии это исключительно важно. Потому что на неё конструктивистский экспансионизм обрушивается прямым давлением. Вот, возможно, самая агрессивно-враждебная оценка российской культурологии из всех существующих: российская «постперестроечная культурология» – «свалка дилетантских сочинений» «на тему культуры» (К. Богданов). Она не случайна. Она была сообщена как раз в точке особенно ясного осознания российской конструктивистской гуманитаристикой своей миссии, в рамках масштабной дискуссии, задуманной для демонстрации триумфа нового знания, для того, чтобы показать его уверенное победное движение вперед, в светлое будущее. В

---

⁵ В том числе по «закону Лотмана», согласно которому в российских модернизационных процессах «образ европейской жизни удваивался». Именно поэтому «наибольший урон постмодернистские игры с истиной нанесли отечественной философии» (К.Х. Момджян).

этой ситуации российская культурология оказалась востребованной в качестве идеального «гуманитарного Чужого».

Вопрос: почему именно российская культурология оказывается для конструктивизма Чужим, подлежащим ликвидации? Почему именно культурология в России под особым давлением? Ответ: потому что российская культурология является в целом реалистичной. Она оказывается форпостом реализма, и тогда именно культурология оказывается преимущественным объектом «культуры отмены», канселинга.

Для лидера журнала «Новое литературное обозрение» (на площадке которого происходила упомянутая выше дискуссия) И. Прохоровой реалисты – это именно Чужие, т.е. почти чудовища из тьмы. В логике её манифеста реализм «фактически покоится на мистическом иррациональном фундаменте». Речь именно о конфликте реализма и конструктивизма, но при этом конфликт описывается в терминах не эпистемологии, а постколониальной критики, в дихотомии «эссенциализм/антиэссенциализм», поэтому оценочности намного больше. По мнению И. Прохоровой, преобладание в России реализма – прямое следствие её «закрытости», и тогда оказывается, что в России рациональное знание в принципе невозможно: «Одним из мощнейших компенсаторных механизмов “закрытого” общества, по нашему мнению, становится дискурсивная культивация эмоции, в то время как “открытые” общества в публичном пространстве эксплуатируют метафоры рациональности». Контрастные тона, в которых рисуется противостояние, напоминают контрасты космоса и хаоса древнейших космологических мифов. Отсюда же и тональность подавления зла. Если мы две стихии зафиксировали как хаос («мистический иррационализм») и космос («рациональность»), мы уже этим обрекли реализм на неминуемую гибель. Если действующие практики распределены по линии рациональное/аффективное, новое/отжившее, то мы не оставили иной возможности тому, что определили как неновое, кроме как исчезнуть, в лучшем случае незаметно. Все новое знание может быть только конструктивистским, реализм предается осмеянию и позору без обсуждения. В этой картине не хватает завершающих деталей. Желательно, чтобы чужие не были размытой абстракцией, а получили лицо и место. Российская культурология и оказалась таким идеальным Чужим, обладающим и полнотой чужеродности, и имеющим границы и адрес. Именно поэтому для К. Богданова российская культурология, понятая в качестве реалистического проекта, стала «свалкой дилетантских сочинений».

Тезис о реалистичности российской культурологии является вторым теоретическим положением, вслед за «аксиомой Лекторского», фундаментальным для данной диссертации. Мы в целом – не конструктивисты. «Поворот» еще не пройден.

Отсюда третий фундаментальный тезис: обойтись без проблематизации выбора пути «у поворота» невозможно, отказ от рефлексии в этой ситуации эпистемологически некорректен и прагматически опасен. Часть того

общественного и интеллектуального капитала, который культурология в России обрела к 1995 г., был утрачен к 2010 г. именно потому, что не хватило сил на осознанное сопротивление конструктивистскому канселингу. А канселинг продолжается, есть опасность дальнейших потерь. Мы находимся под сильнейшим давлением, и это давление определено связано с оппозицией «реализм/конструктивизм». В нем есть направленность, и направленность именно та самая, что у И. Прохоровой, направленность конструктивистского давления на реализм, на ликвидацию реализма. Эффективная форма сопротивления этому давлению – принципиальные ответы на вызовы. А сегодня это значит: эпистемологически внятные ответы на вызовы. Потому что все серьезные конфликты в современном знании связаны с «дихотомией Лекторского», с противостоянием реализма и конструктивизма.

Так определилась тема диссертации: на культурологию можно и нужно посмотреть в координатах дихотомии «реализм/конструктивизм».

Актуальность

Главная проблема российской культурологии как дисциплины в том, что наша реалистичность остается неотрефлексированной. Наш выбор реализма остается пока неявным, нетеоретичным. Он должен получить теоретическое оформление. Фиксация необходимости теоретической рефлексии положения культурологии в ситуации выбора либо «поворотного» пути, либо прямого – ответ на вопрос об **актуальности** диссертации. Можно удивиться тому, что до сих пор этого не сделано. Автору диссертации известно только одно краткое замечание на эту тему. О том, что дихотомия «реализм/конструктивизм» является «ключевым вопросом теоретической культурологии», сообщил О.К. Румянцев на Втором культурологическом конгрессе. Но вряд ли это сообщение можно считать постановкой вопроса. Во-первых, О.К. Румянцев начинает с такой констатации: «Истинное знание есть конструирование», т.е. недопустимость реализма объявляется без всяких оговорок аксиомой. Серьезное обсуждение дихотомии «реализм/конструктивизм» в такой аксиоматике невозможно. Во-вторых, реальная российская культурология осталась за рамками доклада, интерес к ней был обозначен только в названии, в самом докладе речь шла почти только о Хайдеггере.

Поэтому вопрос пока не поставлен, попытки посмотреть внимательно на культурологию в оптике «дихотомии Лекторского» пока не предпринимались. Предпринятая в диссертации попытка такого взгляда является оригинальной и новой.

Это не значит, что диссертация ни на что не опирается, и тогда как бы «висит» в воздухе. Гипотеза об определяющей роли эпистемологии в современной культурологии, фундаментальная для логики диссертации, опирается на реальность практики “cultural studies” и близких к ним наук о культуре. А тезис о реалистичности эпистемологических оснований российской культурологии опирается на реальную практику. Российская культурология

была реалистической, таковой и остается (краткий очерк истории российской реалистической культурологии см. в п. 1.2. диссертации). Все великие культурологи для автора диссертации – предшественники. Это Э.С. Маркарян, М.С. Каган. Это М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев, А.Я. Гуревич. Все они – реалисты, все они утверждали реализм словом и делом. Сразу вслед за ними продолжили и продолжают создавать реалистическую культурологию О.Н. Астафьева, И.М. Быховская, В.П. Большаков, Г.А. Драч, А.С. Запесоцкий, С.Н. Иконникова, А.С. Кармин, И.В. Кондаков, Т.Ф. Кузнецова, Л.К. Круглова, С.В. Лурье, Л.М. Мосолова, Ю.Н. Солонин, В.А. Фортунатова, Х.Г. Тхагапсоев, Н.А. Хренов. За ними – поколение тех, кто учились уже на факультетах культурологии, это О.Ю. Астахов, А.В. Бондарев, А.К. Забулионите, И.И. Докучаев, Е.Э. Дробышева, Е.А. Ильинская, И.В. Леонов, А.А. Лисенкова, Л.В. Никифорова, О.С. Сапанжа, П.А. Сапронов, Т.В. Юрьева, О.А. Янутш. А еще необходимо вспомнить «несистемных» культурологов, т.е. историков, филологов, искусствоведов, философов, таких, как С.С. Аверинцев, В.С. Библер, Л.М. Баткин, Б.М. Бернштейн, М.Л. Гаспаров, Г.Д. Гачев, М.Ю. Герман, П.А. Гринцер, А.Я. Гуревич, И.Е. Данилова, С.М. Даниэль, Н.А. Дмитриева, А.П. Каждан, Г.С. Кнабе, О.Н. Кривцун, Е.М. Мелетинский, А.В. Михайлов, М.В. Михайлова, И.Б. Роднянская. Все это – реализм.

Главное – это реальность реализма, это реальность слова и дела реалистической культурологии. Есть живая традиция подлинной мысли. Она – надежное основание теоретических поисков.

Так определились цели, задачи, предмет и объект диссертационного исследования. Целью диссертации оказывается и описание современных вариантов культурологии внутри дихотомии «реализм/конструктивизм». Но есть и вторая цель. Её появление понятно и оправдано. В ситуации сильнейшего давления на реализм в культурологии размышление о нем не может быть ценностно нейтральным. Голос реализма оказывается тем самым голосом “subaltern”, который по К. Марксу оказывается проблематичным, а по Э. Саиду и Г. Спивак невозможным. “Can a subaltern speak?” Уже в вопросе ответ: «нет». На самом деле голос возможен, но он точно не может быть ценностно нейтральным. Как минимум, энергия утверждения ценностей в этой ситуации допустима. Поэтому аналитика, развернутая в диссертации, не претендует на позитивистскую безоценочность. Она ценностно маркирована. Размышление, представленное в диссертации, является и изложением истории и теории конфликта, и защитой реализма в культурологии.

Поэтому реализм оказывается и объектом анализа, и субъектом дискурса одновременно. Это уточняет цель исследования, она оказывается двойственной. Целью диссертации оказывается и описание современных вариантов культурологии внутри дихотомии «реализм/конструктивизм», и защита одного из этих вариантов, культурологического реализма.

Тональность защитной речи – это особое состояние слова. Это такое его состояние, когда нужно говорить только о главном. Отсюда форматирование

материала: для защиты реализма выбраны главные проблемы. Самые главные. Их две. Они определяются двумя режимами давления: на культурологию и на «Культуру с большой буквы»⁶.

В давлении на культурологию ключевой вектор – это обвинение реализма в отсталости, в метафизичности, т.е. в несовременности. Общий вектор во всех вариантах критики реализма таков: реалистичная культурология архаична, т.е. несовременна.

Второй вектор давления на реалистическую культурологию является следствием давления на Культуру с большой буквы и того факта, что реалистическая культурология полагает себя ответственной за неё. Пределом этого давления является обвинение Культуры в Насилии. Со времени заметок Т. Адорно конца 1940-х годов общим мнением современных теорий является убежденность в том, что на Культуре лежит вина за Освенцим и Аушвиц. Это серьезное обвинение, сегодня с ним согласна вся «передовая» наука на Западе (с медитаций над словами Адорно о вине Культуры за Аушвиц начинаются почти все современные теоретические размышления о культуре; эти слова – та точка опоры, от которой новейшие попытки теоретизации проблемы культуры отталкиваются, без этого «трамплина» они не могут состояться; так это у Х. Джонса, Дж. Кид, Д. Кэша, Дж. Маккензи, С. Мэлпаса, Т. Осборна, П. Уэйка, С. Хана, Г. Холла, Э. Элиота). Особенно важно то, что именно на культивировании этого обвинения сложилась в плотное целое конструктивистская культурология. На него надо ответить. Ответ на обвинение Культуры в насилии – необходимый момент в обосновании реалистичной культурологии.

Мы задержались с ответами на вызовы. Сегодняшних ответов на эти два обвинения нет. Они должны быть.

Необходимость этих ответов предопределяет предметное поле, цели и задачи диссертации.

---

⁶ Фундаментального определения термина «Культуры с большой буквы» не существует. Рабочее определение в диссертации таково: понятие «Культура с большой буквы» понимается как синтетическое целое понятий «высокая культура» и «культура как образ жизни». Конструктивизм полагает, что синтез невозможен, и делает ставку на восходящее к Э. Тайлору (и дальше к романтизму) понимание культуры как образа жизни. «Высокая» культура попадает тогда под запрет. Ошибка здесь в том, что понятие «высокая культура» мыслится нормативистски. Конструктивизм полагает, что «высокую» культуру иначе мыслить нельзя, оставаясь в плену традиционалистских стандартов, восходящих к Вольтеру и дальше к античной риторике. А возможно иное. «Высокую» культуру можно мыслить так, как мыслил Гёте, когда размышлял о европейской литературной классике. Его идея – понятие «мировая литература» (Weltliteratur), полифония всех голосов и слов о сущем. Так же, по Гёте, надо думать и о мировой культуре. Поэтому уточненное короткое рабочее определение понятия «Культура с большой буквы» таково: это целостный синтез двух определений культуры, «тайлоровского» и «гётевского». Когда в диссертации слово «культура» пишется с большой буквы, имеется в виду именно этот целостный синтез «по Тайлору/Гёте».

Объект исследования – структурные трансформации в гуманитарном знании второй половины XX – начала XXI вв.

Предмет исследования – реализм и конструктивизм в культурологии как два пути исследования культуры, предопределенные структурными изменениями гуманитарного знания.

Цели исследования

– указание на значимость эпистемологической рефлексии для культурологии и культурологов, на необходимость эпистемологической проблематизации сегодняшней культурологии;

– обоснование возможности современной, то есть уверенно идущей в будущее, реалистичной культурологии;

– защита Культуры с большой буквы от упрека в насилии.

Задачи исследования

- 1) указать на проблемы, возникшие в западных науках о культуре после перехода около 1990 г. на стандарты, заданные эпистемологическим поворотом к эпистемологическому конструктивизму;
- 2) доказать, что российская культурология была и остается реалистичной, и указать на принципиальность опоры на реализм;
- 3) дать очерк реалистичной культурологии современности и указать на эвристические перспективы реалистичного понимания эпохи Модерна в целом и современного её этапа в частности;
- 4) указать на те проблемы, которые возникают в эстетике после конструктивистского отказа от категории «прекрасное»;
- 5) указать на эпистемологическую некорректность конструктивистского обвинения Культуры в насилии;
- 6) указать на онтологические последствия отказа конструктивистской культурологии от Культуры с большой буквы;
- 7) дать критику тех дискурсивных стратегий, в которых Культура с большой буквы обвиняется в подавлении «малой» культуры;
- 8) поставить вопрос о возможности новых и принципиально реалистичных подходов к пониманию предметной специфики культурологии.

Теоретические основания диссертации. Эпистемология. Методология.

Несмотря на то, что эпистемологии в диссертации много, она является строго культурологической. Нигде размышление не уходит далеко от собственно культурологических проблем. Автора настоящей диссертации по большому счету заботит только культурологическая конкретика: основания типологии культуры, проблема самооценности культурных артефактов. Аутентичность текстов. Историзм. Вот то, что всерьез заботит. Но все это сегодня перестало

быть самоочевидной ценностью. Все это попало под давление и нуждается в защите. Поэтому и необходимо движение вглубь, в эпистемологию. Но при этом сама диссертация все же полностью культурологична. Эпистемология в растворена в размышлении, иногда выходит на поверхность, но чаще присутствует в «подтексте».

За счет чего это достигнуто? За счет того, что эпистемологическое размышление в ходе исследования было воплощено в отдельные тексты. Это, прежде всего, монография «Реальность объективности и объективность реальности» (Омск, 2017). Она объединена с диссертационным исследованием единым замыслом. Так же, как и монография «Метод и время» (Омск, 2021).

То есть в какой-то степени исследование представляет собой единую «трилогию». Первый том – «реалистическая эпистемология», второй том – «реалистическая методология», третий – «реалистическая культурология». Но только в «какой-то». Из того, что есть объединенные единым замыслом с диссертацией тексты, не следует, что текст диссертации не отделим от двух философских монографий. Диссертация является полностью целостным самостоятельным текстом, вся аксиоматика, необходимая для понимания диссертации, в ней же и изложена.

Все нужные выводы эпистемологического и методологических исследований в тексте диссертации представлены. Более того, культурологические сюжеты, изложенные в диссертации, фиксируют эпистемологические конфликты по-новому, они развивают и уточняют общую эпистемологию. В этом отношении и важен, и символичен п. 1.1. Развернутых эпистемологических отступлений в нем нет. Это «просто» описание состояния современной культурной антропологии и новых наук о культуре историческими отступлениями. Но именно таким образом «аксиома Лекторского» обретает ту полноту драматизма, которая в ней заложена. И одновременно в том же «простом» изложении драматично ставится проблема общей теории, проблема определения культуры. В п. 2.2. и 2.3. эпистемологии больше, но и в них она не вмешивается в проблематику извне, а оказывается «растворенной» в практической аналитике. Поэтому еще раз: культурологическое размышление является целостным, оно разворачивается внутри себя из собственно культурологической проблематики.

Еще несколько необходимых слов о «драматизме», заданном «дихотомией Лекторского». Вопрос: «Не избыточна ли оценочность, определенно присутствующая в защите В.А. Лекторским реализма? Не слишком ли драматично ставится проблема в той его дихотомии, которая принята в качестве фундаментальной в диссертации?». Не похоже ли это на то деление знания на ересь и ортодоксию, которое было принято в раннем христианстве и которое через сотни лет стало основанием, в частности, судов инквизиции?

Ответы. Первый и главный, о делении всего научного знания на две половины, зеркально противоположные, на «реализм» и «антиреализм». Задолго до недавних работ В.А. Лекторского то же само деление всего знания без остатка

на две враждующие половины было нормой в конструктивистских дискурсах. Так было уже в ранней критической теории В. Беньямина, Т. Адорно и М. Хоркхаймера, так было в постструктурализме М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Делеза и Ф. Гваттари, в постколониализме, в постфеминизме⁷, так во всех новых «науках» о культуре. Так было и у нас, начиная со статьи М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева и В.С. Швырева о противостоянии «классической» и «современной» философий 1971-го года, так было в 1990-е в новых журналах, так это и сейчас. Так это и для идеологов конструктивизма (И.Т. Касавин, А.С. Александров, А.Ю. Антоновский, Д.Э. Гаспарян, И.В. Демин, А.Н. Дмитриев, С.Н. Зенкин, Е.Н. Князева, С.Л. Козлов, В.А. Куренной, М.Л. Майофис, Л.Е. Маркова, Н.С. Плотников, В.А. Подорога, Н.В. Поселягин, И.Д. Прохорова, О.К. Румянцев, В.П. Руднев, Б.Е. Степанов, О.В. Тимофеева, А.Ю. Шеманов), так это и для тех, кто опирается на аксиомы эпистемологического реализма (В.А. Лекторский, В.А. Бажанов, Д.И. Дубровский, Ж.К. Загидуллин, Д.В. Иванов, Е.В. Кудряшова, Г.Д. Левин, В.С. Левицкий, Л.Б. Макеева, Е.А. Мамчур, К.Х. Момджян, Б.И. Пружинин, Н.М. Смирнова, Е.В. Тимошина, Е.О. Труфанова, Е.Л. Черткова, Т.Г. Щедрина). Это важно. Оценки различны, но само моделирование важнейшей для современного наукоучения процедуры деления знания на две фундаментальные половины одна на всех. И тогда вероятность того, что сама процедура корректна, высока. И тогда В.А. Лекторский прав, «выйти за пределы оппозиции конструктивизма и реализма в эпистемологии нельзя». Положение, принятое в настоящей диссертации в качестве фундамента всего размышления, является верным: все проблемы современного знания действительно должны помещаться в рамку оппозиции реализм/конструктивизм и решаться именно внутри неё.

Второе. Оценочность. Об этом главное уже было сказано выше: она задана не В.А. Лекторским и не реализмом. В целом ситуация такова: именно реализм «переживает... атаку со стороны радикального антисциентизма, представленного разными течениями постмодернистского (постструктуралистского) дискурса» (К.Х. Момджян).

Третье. Полностью оценочность неустранима, да это и не нужно. Фундаментальный выход – в ясном понимании того, что предметом критического анализа в первую очередь являются исследовательские программы, а не исследователи. Свет и тьма – свойство полюсов, предельных точек на оси координат. А люди... Люди белыми и черными не бывают. Поэтому «никто не знает настоящей правды». Это та осторожность, которая и должна быть нормой. Реализм умеет быть осторожным, тактичным и толерантным. Недавние слова Б.И. Пружинина и Т.Г. Щедриной (в статье «В философии нет “королевского пути”...») о том, что «знание может приобретаться человеком...

---

⁷ В новом феминизме деление знания на две враждующие половины, на конструктивизм и реализм, проведено особенно отчетливо, оно является конститутивным и системообразующим (подробно об этом в п. 2.3.).

самыми разными способами и в самых разных ситуациях» – обязательное дополнение к «дихотомии Лекторского». В диссертации «дихотомия Лекторского» понимается именно так, с «поправкой Пружинина-Щедринной».

Второй вопрос, требующий уточнения. «Дихотомия Лекторского» содержит в себе ряд неявных импликаций. Первая: существует некий «первичный эпистемологический выбор». Вторая: этот выбор совершает каждый, кто занимается научными исследованиями. Третья: плохо, когда этот выбор осуществляется без внятной рефлексии. Четвертая: наиболее эффективный способ осуществления этого выбора осуществляется благодаря терминам «реализм» и «конструктивизм».

Академической практики регулярного решения второго и третьего вопросов не существует. Более или менее компактно внятно можно что-то сказать по поводу первого и четвертого положений, практика академических подходов здесь есть.

Проблема в том, что «дихотомия Лекторского» предполагает решение, которое почти пугает своей элементарностью, тогда как есть некий привычный интеллигентный взгляд на современное знание, который предполагает плюрализм и многообразие. Так, например, все мы теперь знаем, что в научном знании XX в. так называемых «поворотов» было множество. Почему бы не говорить именно о них, причем обо всех сразу, и полагать, что каждый из нас совершает несколько «поворотов», причем все они равноправны, равноценны.

Приведем два примера, важные тем, что оба являются непосредственно нашими, культурологическими. Д. Бахман-Медик насчитывает именно в современной культурологии семь «поворотов»: интерпретативный, перформативный, литературный, постколониальный, переводческий, пространственный, иконический. В списке Г.И. Зверевой девять «поворотов», причем только один из них («визуальный») более или менее учтен (как «иконический») у Д. Бахман-Медик.

Что, В.А. Лекторский не знает о том, что есть, как минимум, пятнадцать «поворотов»? Знает. И мог бы, вероятно, еще около десяти приписать. Но твердо настаивает на том, что есть некий «главный выбор», т.е. есть «главный поворот». Главное – эпистемология. Первичный выбор совершается на этом уровне, он все предопределяет. Есть проблема эпистемологического поворота, выбора между эпистемологическим конструктивизмом и эпистемологическим реализмом. Это главное, об этом и надо говорить в первую очередь.

Тогда что, получается, что Д. Бахман-Медик и Г.И. Зверева не знают ничего об эпистемологическом повороте? Знают. Тогда почему не говорят именно о нем? Во-первых, вероятно, потому, что полагают всю работу, связанную с эпистемологическим поворотом, делом философов, а не культурологов. Культурологи не должны и не могут сюда вмешиваться. И здесь ответ. Он таков: нет, все слишком серьезно. Слишком серьезны конечные последствия выбора. Поэтому выбор «главного поворота» – дело всего сообщества. И каждого.

Но на самом деле решающим моментом в невнимании многих исследователей к эпистемологическому повороту является второй фактор: они убеждены, что поворот на этом уровне уже давно состоялся, что мы уже целиком внутри «поворотной» парадигмы и спорить уже не о чем, тем более нечего выбирать. Они смотрят на проблему примерно так же размашисто и радикально, как И. Прохорова: в современном мире возможен только конструктивизм, все иное немислимо и недопустимо. Это именно эпистемологическая позиция, именно эпистемологический выбор в первую очередь. Но маскируется он как бы плюралистической культурологией. И тогда это эпистемологически некорректно.

Эпистемологическую позицию автора настоящей диссертации, изложенную в двух философских монографиях и в статьях, не вошедших в монографии, можно свести к четырем положениям.

Первое. Эпистемологию нельзя мыслить отдельно от онтологии. Есть целостная работа разума, в которой эпистемологические допущения и усмотрения онтологически значимых связей вещей существуют как моменты. Каждое эпистемологическое допущение онтологично. А еще аксиологично, этически, социально и т.д.

Второе. Онтологичность эпистемологии нуждается в регулярной экспликации. Онтологические следствия каждого эпистемологического утверждения подлежат экспликации. Эпистемологические споры без этой работы бесперспективны, неинтересны.

У этого общего положения есть актуальная конкретизация. Она такова: итоги конструктивистской революции в знании («эпистемологического поворота») следует оценивать не по количеству эпистемологических манифестов, а по онтологическим последствиям. А онтология в конструктивизме начинает «ссыхаться», происходит «вымывание» бытия. Это настолько серьезно, что можно говорить об «утрате бытия». С уточнением: под особенно сильным давлением оказывается «середина бытия», нечто самое простое, обыкновенное. Те конструкты социального бытия, на которых держатся самые обыкновенные, регулярные практики социальной жизни.

Четвертое. Если вспомнить о том, что для радикального контекстуализма есть еще одно слово: «историзм», и вообще о том, что есть еще и живая история, то все становится серьезнее. «Все слова пахнут профессией, жанром, направлением, партией, определенным произведением, определенным человеком, поколением, возрастом, днем и часом» (М.М. Бахтин). Каждый час все меняет. Эпистемология меняет онтологию, онтология влияет на эпистемологию, затем все снова по тому же кругу. Это усложняет представление и о конструктивизме, и о реализме. Так, нельзя больше мыслить эпистемологический поворот как что-то однократное, произошедшее в одной исторической точке. На самом деле эпистемологический поворот еще не завершен, всерьез он только начинается. Отмена объективности истины и веры в развитие научного знания, состоявшаяся в манифестах конца 1920-х годов, это

всего лишь один шаг в становлении парадигмы нового знания. В точке рождения теории последствия еще не видны. Вскоре что-то проясняется, следует уточнение теоретических контуров нового знания, еще цепь онтологических трансформаций, затем новые теоретические рубежи. Так, в 1929 г. еще ничего не было известно о «лингвистическом повороте». Его масштаб осознается в 1950-е. Размышления о масштабе следствий приводит к постструктуралистской революции. Затем критика «эссенциализма». Затем критика «европоцентризма». И т.д. Каждый рубеж дает свою мини-парадигму, дающую новый вариант конструктивизма. И эти варианты остаются действующими надолго. Сегодня конструктивизм не един. И его множественность гораздо более многообразна, чем это представляется в обзорах теорий. Множественность связана с сохранением «атавизмов», пройденными «авангардом» конструктивизма, но остающимися в реальной исследовательской практике. Так, например, отмененный еще восемьдесят лет назад холизм остается заметным еще и сегодня во многих вариантах конструктивизма. Еще более сложной является ситуация с Культурой с большой буквы. Отменить её на словах легко, а вот выкинуть из онтологии – это совсем другое. Во многих моделях радикальнейшего конструктивизма она сохраняет свою значимость, т.е. продолжает влиять на дискурс (например, в работах Дж. Макгигана, Г. Тёрнера).

И вот это «четвертое положение» и является тем результатом, который исключительно важен для культурологии. Он позволяет получить ответ на вопрос: каковы у реалистической культурологии шансы выжить? Ведь западная культурология вся сплошь сегодня является конструктивистской. Этот фактор не может не обернуться давлением на реализм. Можно ли ему противостоять? На этот вопрос тоже надо отвечать, немедленно, хотя бы в рабочем порядке. В конце диссертации этот ответ предлагается, именно понимание сложностей исторического становления конструктивизма позволяет к нему выйти.

Методология

Из той же «дихотомии Лекторского» вытекает, что выбор метода является процедурой, вторичной по отношению к выбору эпистемологическому. И тогда методология вторична по отношению к эпистемологии. Сегодня это так. Поэтому о методологии нужно говорить после эпистемологической рефлексии. При этом, разумеется, методология – исключительно важная проблема любого исследования.

Выбор методологии не может быть элементарным. Об этом – монография «Метод и время». В ней – критика абсолютизации метода, технократических вариантов методологии. Конструктивизм неизбежно и регулярно скатывается к разным вариантам такой абсолютизации. В полемике с конструктивистскими моделями в монографии обосновывается возможность «внесистемных» методологических стратегий. В первую очередь это касается структурализма. А это важно, поскольку методология, являющаяся основанием аналитики в настоящей диссертации, связана с традициями структурализма. Но структурализм понимается именно внесистемно. Как показано в монографии

«Метод и время», именно такой, «внесистемный системный подход», своего рода «гибридно-гетерогенный» структурализм, был в основании методологии таких классических структуралистских исследований, как «Морфология сказки» В.Я. Проппа и «Беседы о русской культуре» Ю.М. Лотмана.

Но учтены и новейшие тренды. В монографии «Метод и время» «гибридный структурализм» был уточнен с оглядкой на проект «сравнительной эпистемологии», обоснованный недавно крупнейшим историком и теоретиком структурализма П. Серио и очень всерьез принятый российской академической философией. П. Серио предлагает системно исследовать «эпистемологические миры», «эпистемы», скрытые в научных текстах, искать в них «водовороты метафор». Это близко к «гибридному структурализму», но и отличается. В том виде, в котором «сравнительная эпистемология» реализована в исследовании П. Серио «восточного структурализма», она вызывает ряд вопросов. Насколько глубоко скрыты в текстах «эпистемологические миры»? Можно говорить об их онтологических импликациях? Само слово «мир» по существу онтологично, но есть основания полагать, что «эпистемы» П. Серио никакой связи с онтологией не имеют, что «водоворот метафор» – сеть процедур, значимых только эпистемологически. Для П. Серио связь с онтологией – это то, что портит «хорошую» эпистемологию. И тогда сравнительная эпистемология оказывается странным инструментом, нужным только для анализа мертвой науки. Для вывода об эпистемологической продуктивности «правильного» структурализма инструментарий сравнительной эпистемологии оказывается не нужен, здесь достаточно просто присоединится к традиционной цеховой догматике постструктурализма.

Поэтому просто взять у П. Серио его «сравнительную эпистемологию» как готовый инструмент не получается, на неё можно только оглянуться. Фундаментальное основание методологии диссертации – традиция системного подхода, прежде всего работы М.С. Кагана⁸.

Таким образом, методологическим итогом оказывается системный подход, дополненный двумя поправками: первая – сравнительная эпистемология, вторая – «гетерогенно-гибридная» поправка, обоснованная в монографии «Метод и время». Итоговый подход отличается вниманием к истории, к её непредсказуемым коллизиям, к подлинно сложному, к «эпизодам, интригующим нас своей загадочностью» (слова Н.С. Автономовой), к неявным импликациям научных текстов, к «водоворотам метафор». Этот подход и оригинален, и принципиально укоренен в традиции. Для автора диссертации очень важно, что

---

⁸«Системный подход есть конкретное проявление диалектического метода в тех гносеологических ситуациях, когда предметом познания оказываются системные объекты» (М.С. Каган). Отсюда никак не следует, что системный подход применим лишь к простым системам, где все связи наглядны, как в детском конструкторе, как раз наоборот, необходимо «ориентироваться не на простейшие системы, а на сложнейшие, социально-исторические». Именно такой сложной социально-исторической системой является научное знание.

что-то похожее на «гибридный структурализм» уже многократно было, в том числе в XIX в., в том числе в его истоках. В интеллектуальной истории последних двухсот лет «гибридный структурализм» всегда присутствовал, но он был неявным и стихийным. Это были именно «веяния». Именно поэтому в конце XX в. они оказались забытыми. Монография «Метод и время» – в том числе попытка экспликации этих «веяний».

Термин «гибридность» может быть уточнен. Поскольку определяющим фактором в конструировании «гибридного структурализма» является его связь с традицией, с «неправильным» (по П. Серию) «восточным структурализмом», с XIX в. и русской классикой, то корректно будет назвать его «системным подходом с гуманистической поправкой». Кратко то же самое можно сформулировать так: «реалистичная сравнительная эпистемология».

Реалистичная сравнительная эпистемология – основной исследовательский метод диссертации.

Научная новизна результатов исследования обусловлена двумя факторами. Во-первых, оригинальностью самой постановки проблемы, процедурой помещения культурологии в контекст противостояния реализма и конструктивизма. Уже сама теоретически внятная постановка проблемы делает диссертацию о реализме и конструктивизме в культурологии научно оригинальным исследованием. Не менее важен второй фактор: оригинальная методология, дающая возможность увидеть в новом свете как уже известные факты, так и указать на новые. Так, новым является реалистический сравнительно-эпистемологический взгляд на новейшее конструктивистское гуманитарное знание как на целое. А еще это радикально полемичный взгляд, противостоящий устоявшимся подходам. Там, где конструктивизм видит «сто цветов» плюралистичного многообразия, реалистичная сравнительная эпистемология видит процессы интеграции и унификации.

Новым и столь же полемичным является указание на роль культурологии в этих процессах, на то, что культуральные исследования все больше превращаются в управляющий центр нового гуманитарного знания.

Новым является анализ конфликтов вокруг права на контроль над определениями культуры, названный в первом параграфе «культуральной войной».

Новыми являются взгляд на культуральные исследования как на «склепку» двух парадигм, реалистической и конструктивистской, и модель истории этой «склепки».

Новой является попытка анализа состояния современной российской культурологии. Она в целом реалистична. Решающим фактором для такой констатации является именно реалистическая сравнительная эпистемология, поиск «эпистем», а не калькуляция «направлений».

Новым является и указание на возможность реалистической культурологии современности. В эпохе модерна фиксируются прежде всего

системные свойства, отсюда и основная гипотеза: в эпохе модерна следует различать две субпарадигмы: первая – дорефлективный модерн; вторая – рефлективный. Время рефлективного модерна – последние сто двадцать лет. Новым и полемичным является и вывод: тот радикальный плюрализм, который является сутью и смыслом эпохи “la modernité”, оказывается регулярно культивируемым, то есть регулируемым. И тогда риторика радикальной «множественности множественностей» оказывается ширмой, скрывающей простое машинное производство «множественностей».

Апология реализма, предпринятая в диссертации, является оригинальной как в целом, так и в частностях. Центральная часть диссертации представляет собой защиту реализма в виде критики конструктивистского «суда» над Культурой. Эта критика тоже системна. От эпистемологии она идет вглубь, к онтологии. К бытию, а затем к прагматике. Системность же господствует и в частном. Критика основных моделей конструктивистской культурологии тоже системна и тоже оригинальна. Аналитика направляется именно реалистической сравнительной эпистемологией, стремлением к фиксации неявной аксиоматики. Таков анализ «эпистем» В. Беньямина, Х. Аренд, М. Фуко, Э. Саида, В. Куренного. Отсюда и итоги. Радикализм критики предопределяется реализмом сравнительно-эпистемологического анализа.

Точно так же в режиме сравнительно-эпистемологической аналитики делаются очерки нескольких дисциплин круга «наук о культуре»: антропологии, музыкологии, теории литературы, постколониализма, постфеминизма, исследований популярной культуры. Эти анализы оригинальны, самостоятельны и выводы. Предложено несколько новых стратегий критики конструктивистского радикализма, реализовавшего себя в постколониализме, постфеминизме и т.п.

Оригинальным является и общий вывод диссертации: именно реалистическая культурология является дискурсом, создающим плюрализм.

Теоретическая значимость исследования

заключается в том, что в диссертации

– предпринята попытка обобщенного теоретического взгляда как на историю культурологии, так и на её современное состояние, заданного оптикой «дихотомии Лекторского», т.е. логикой, последовательно различающей реализм и конструктивизм в эпистемологии;

– предложена структурная модель доминировавших в классической культурной антропологии определений культуры, на основе которых сложилось в XX в. системное единство наук о культуре;

– масштаб теоретической генерализации, заданный анализом логики антропологических определений культуры, позволил увидеть в новейшей истории наук о культуре ряд проблем, не отмечавшихся ранее; так, в диссертации показаны те структурные, в том числе институциональные, деформации, к

которым привёл фундаментальные науки о культуре выбор «поворотных» моделей развития;

– показано, каким образом непоследовательность теоретических решений в ситуации выбора «поворота» приводила впоследствии к неразрешимым конфликтам как в культурной антропологии, так и в культуральных исследованиях;

– последовательное различие реализма и конструктивизма позволило по-новому увидеть общеизвестный факт отличия российской культурологии от западных культуральных исследований, дал возможность увидеть в российской реалистической культурологии не только модернизационную неполноценность, но и принципиальную теоретическую позицию;

– указаны фундаментальные причины устойчивости реалистических традиций в отечественной культурологии;

– эпистемологический анализ крупнейших теорий современности позволил сделать вывод, что реалистическая культурология умеет быть принципиально современной;

– теоретически обоснована возможность противостояния новейшей критической теории культуры, полагающей, что серьезное отношение к категориям добра, истины и красоты является не более чем иррациональной верой, прикрывающей реакционные властные практики; найдены ответы на основные пункты обвинения «Культуры с большой буквы» в насилии;

– акцент на эпистемологическом реализме позволяет продвинуться в разрешении проблемы поисков культурологией собственного уникального предмета;

– показано, что оставшаяся без защиты в новой системе гуманитарных наук «Культура с большой буквы» и может быть осмыслена в качестве уникального предмета реалистичной культурологии;

– а этот последний теоретический результат является основанием выхода к следующему, к пониманию положения места культурологии в системе гуманитарных дисциплин; в этой системе культурология может занять почетное место службы защиты Культуры.

Практическая значимость диссертации

Фундаментальная практическая значимость диссертации – в указании путей становления культурологии в качестве научной и университетской дисциплины. Эпистемологическая рефлексия и для реализма в целом, и для реалистической культурологии в частности, – это не отвлеченное умозрение. Реализм в гуманитарном знании проигрывает. С каждым годом он сдает конструктивизму все новые и новые рубежи. И всегда конструктивизм побеждает благодаря одной и той же тактике: эпистемологическая аргументация прячется в тень, а публично работает этически окрашенная риторика. Внятная эпистемология, помещение проблематики в оппозицию

реализм/конструктивизм, предпринятое в диссертации, – путь к выживанию культурологии, который может быть реализован практически.

Но достижение своих экзистенциальных целей культурологией осуществляется не за счет общества, оно в предложенной теоретической модели тоже оказывается в выигрыше. «Культура с большой буквы» – та живая среда, которая дает возможность обществу эффективно развиваться; защищая Культуру, реалистичная культурология защищает общество от коррозии и разрушения.

Особенно практически значимой реалистичная культурология может быть сегодня. Существенно осложнившиеся процессы модернизации российского общества требуют усложнения теории модернизации. Понимание модернизации не может быть линейным. Именно такой теорией нелинейной модернизации является модель реалистичной культурологии, предложенная в диссертации.

Поэтому выводы диссертации значимы в том числе и политически. Они могут заинтересовать политических теоретиков, социологов, юристов, но не только, в языке диссертации есть публицистическая составляющая; это принципиально: предложенные гипотезы открыты для понимания, они могут быть прямо перенесены в близкие практике политические и публицистические дискурсы.

Результаты исследования доступны для использования в работе со студентами, как с культурологами, так и с обучающимися по другим специальностям. У автора диссертации есть многолетний опыт постепенного осторожного приобщения студентов к дебатам о сложных проблемах. Сравнительная эпистемология, додуманная до конкретики, до вариантов решений насущных задач повседневной практики, может быть эффективным инструментом и в работе со студентами.

Положения, вынесенные на защиту

1. Эпистемологическая рефлексия не является для современной культурологии делом побочным и необязательным. Время требует от гуманитарного знания эпистемологической проблематизации исследовательских практик. Для культурологии это особенно верно.
2. Тектонические процессы в становлении наук о культуре определяются рамками оппозиции реализм/конструктивизм. Все фундаментальные проблемы наук о культуре следует в первую очередь рассматривать в контексте оппозиции реализм/конструктивизм.
3. Новейшая история наук о культуре – это история верификации тезиса о тектонической значимости дихотомии реализм/конструктивизм.
4. Представление о том, что выбора между конструктивизмом и реализмом у культурологии нет, что конструктивистский путь является единственным, что он задан временем, является ангажированным, групповым.

5. Российская культурология, как и все гуманитарное знание в целом, стоит перед выбором пути, это выбор между конструктивизмом и реализмом. Этот выбор должен осуществляться принципиально, осознанно, принципиально, на основе теоретической дискуссии в масштабах всего культурологического сообщества.
6. Есть серьезные основания говорить о том, что конструктивистская культурология все больше и больше обретает статус материнской интегративной дисциплины в той новой парадигме, в которую интегрируется в последние тридцать лет все совокупное гуманитарное конструктивистское знание.
7. Культуральные исследования не являются единым целым. Следует отделять реалистическую парадигму культуральных исследований от конструктивистской.
8. Российская культурология в целом является реалистичным знанием.
9. Реалистическое понимание современности является продуктивным. Реалистическая культурология востребована, актуальна; именно благодаря своей реалистичности она является дисциплиной, способной дать адекватную интерпретацию социокультурных проблем прошлого, настоящего, будущего.
10. В эпохе Модерна допустимо различать две субпарадигмы: первая – до-рефлексивный Модерн; вторая – рефлексивный. Время рефлексивного Модерна – последние сто двадцать лет. Тот радикальный плюрализм, который является сутью и смыслом эпохи “la modernité”, оказывается этой оптике регулярно культивируемым, то есть регулируемым. И тогда в риторике радикальной «множественности множественностей» можно увидеть поверхность, ширму, скрывающую машинное производство «множественностей».
11. Отказ конструктивистской культурологии от категории прекрасного не является эпистемологически корректной процедурой. Потребность в Культуре с большой буквы держится в том числе на потребности в красоте, в том счастье, которое дает прекрасное.
12. Марксистский редукционизм как практическая реализация «симптоматического понимания культуры» некорректен. История XX века дала строгое верифицируемое доказательство некорректности марксистского редукционизма.
13. Универсализация марксистского редукционизма, осуществленная в постколониализме, постфеминизме и других новых «науках о культуре», ведет не к преодолению насилия в жизненном мире человечества, а к отказу от контроля над насилием, к умножению насилия.
14. Человеческое бытие нуждается в защите. Культура с большой буквы – эффективно действующий инструмент защиты этого бытия.

15. Вся «классическая» критика, предъявленная конструктивистским знанием в рамках суда над Культурой с большой буквы, ничтожна. Говорить как о гибели Культуры с большой буквы, так и о её «маргинализации», рано.
16. Методы «защиты» массовой культуры от «насилия» «высокой» культуры, реализованные в конструктивистской культурологии, пока не привели к созданию подлинно плюралистичной теории о соотношении «высокого» и «низкого» в культуре. Опыт реалистичного описания диалектики «высокого» и «низкого» в Культуре остается актуальным.
17. Культура с большой буквы – пространство взаимопонимания, свободы и общего дела, пространство фундаментального плюрализма.
18. Защищая Культуру с большой буквы, реалистическая культурология оказывается частью этой Культуры, т.е. дискурсом, производящим фундаментальный плюрализм.

Апробация результатов исследования

Обобщающие теоретические положения диссертационного исследования были представлены на «Кагановских чтениях» в СПбГУ в мае 2021 г.

Доклад о «странном и неоднозначном» состоянии современной конструктивистской культурологии был представлен на Пятом культурологическом конгрессе в ноябре 2021 г.

Основные положения исследования легли в основу разработанных автором диссертации университетских курсов, которые читались в Омском госуниверситете им. Ф.М. Достоевского с 1991 г. по 2020 г., прежде всего таких фундаментальных курсов, как «История культуры» и «История культурологии», «Семиотика», многочисленных спецкурсов («Романтизм», «Молодежные субкультуры», «Современный кинематограф» и т.д.).

Промежуточные результаты работы на разных её этапах нашли отражение в научных публикациях, в том числе в реферируемых журналах, рекомендованных ВАК, а также в журналах, зарегистрированных в международных базах данных («Новое литературное обозрение», «Эпистемология и философия науки»). Автор диссертации написал раздел в академической коллективной монографии, подготовленном Итальянским институтом культуры (I Russi E L'Italia / A cura di V. Strada. Milano, 1995). Фундаментальные результаты представлены в монографиях «Реальность объективности и объективность реальности» (Омск, 2017) и «Метод и время» (Омск, 2021). Ряд важных для диссертации результатов изложен в монографиях «У истоков “русской идеи”: жизнь и судьба С.П. Шевырева» (Москва, 2013) и «Золотой век “русской идеи”». Историко-типологические очерки» (Москва, 2015).

Структура и основное содержание диссертации

Диссертация состоит из Введения, трех глав и списка литературы (где более подробно описаны научные работы, упоминаемые в постраничных сносках).

Цель *первой главы* – *«Реализм и конструктивизм в культурологии: от исторической реальности к теоретическим проблемам и возможностям»* – постановка проблемы, указание на актуальность культурологического реализма.

Параграф 1.1. – *«Контексты: культуральные войны»* – в целом представляет собой исторический комментарий к тезису о значимости «дихотомии Лекторского» для культурологии. Важнейшим контекстом, в котором драматизируется положение современной культурологии, является все гуманитарное знание в целом и тот факт, что оно все более и более складывается в единую компактную систему, в целостность, похожую на целостность одной дисциплины. Обоснование возможности такого взгляда – главная задача первого параграфа. Вторая задача – указание на роль конструктивистской культурологии в этом процессе, а она является определяющей, именно культуральные исследования оказываются материнским дискурсом, «общим знаменателем», объединяющим все современные гуманитарные дискурсивные практики. Третья задача – иллюстрация значимости «дихотомии Лекторского» и доказательство значимости её для «наук о культуре». Отсутствие воли к осознанию значимости выбора в параметрах именно «оппозиции Лекторского» привело к противоречиям в положении сегодняшней культурной антропологии. Четвертая функция параграфа – указание на значимость теории культуры для «наук о культуре», на конфликты, разворачивающиеся вокруг проблемы контроля над определением культуры. Пятая функция – указание на особенности структуры теории в конструктивизме. Происходит смещение акцентов с предмета познания на метод. Это ведет к отказу от теоретизации собственной предметной области, к потере теоретической самостоятельности.

Общая задача *второго параграфа* – *«Реализм в культурологии в контексте оппозиции конструктивизма и реализма в эпистемологии»* – анализ ситуации, в которую попадает культурология, если взглянуть на её пребывание внутри «оппозиции Лекторского». Совсем все сложно с культурологией в России. Прежде всего, потому, что она не является однородной, как на Западе. И есть драматичные колебания. Но, несмотря на неоднородность, в целом российская культурология реалистична. Как либо характерные, либо как неоднозначные, либо как просто интересные выделены работы А.В. Аргова, О.Ю. Бондаренко, О.А. Божченко, Е.В. Волковой, И.А. Воротько, В.В. Дегтярева, Катина В.И., Коровиной Е.М., С.В. Кудряшова, С.В. Малиновской, Н.С. Онегина, Е.В. Старинковой, Т.Ю. Федоровой, М.Н. Чесноковой. Если к этому списку прибавить имена тех основоположников реалистической культурологии, что перечислены в начале Введения, то получится надёжный фундамент для движения к обоснованию реалистической культурологии. Российская культурология – реалистична.

В параграфе «Реалистичная культурология как современное знание и как знание о современности» предпринята попытка конструирования современной реалистической культурологии. Именно реализм и дает те теоретические основания, на котором только и можно построить теорию современной культуры. Для примера взята одна из реалистичных теоретических моделей, «постбахтинская» типология культуры С.С.Аверинцева, М.Л. Гаспарова, А.В. Михайлова. В диссертации представлен анализ «постбахтинского» типологического понимания проблемы современности в сравнении с ключевыми для новейшего конструктивистского знания моделями Э. Тоффлера, Э. Саида, Г. Люббе, Г. Козеллека, Г. Гумбрехта, А. Ассман. Затем рассматриваются ближайшие и далеко идущие следствия типологического понимания времени в модерне.

Проблема Культуры с большой буквы – ключевая в современной культурологии. Конструктивистская культурология совершенно справедливо полагает, что Культура – это главный враг на пути к триумфальному вхождению в эпоху постчеловечества. Поэтому война Культуре была объявлена в той же точке, в которой началась история самого конструктивизма, в 1930-е годы. С Франкфуртской школы начинается история суда над Культурой, устроенного её лидерами, М. Хоркхаймером, Т. Адорно и Г. Маркузе. Начало положил близкий к школе и популярнейший сегодня пророк постправды В. Беньямин. Подробный анализ его идеи преодоления Культуры дан в п. 2.1. Анализ всех пунктов обвинения, предъявленных Культуре на протяжении всей истории суда над ней – первая задача второй главы диссертации. Вторая задача главы – поиск аргументов защиты.

Термином, вокруг которого строится защита Культуры во второй главе, выбрано слово Г. Зедльмайра «утрата». Автор диссертации присоединяется к дотошно-любопытному ритму взглядывания Зедльмайра в весь объем художественного и интеллектуального опыта человечества. И в его критицизм, сохраняющий и в критике ту же самую любознательность. Его критика нигилистических устремлений XX в. – не суд, а внимательная бухгалтерия, заданная позицией бережливого хозяина. Отсюда и аналитика, устроенная как «учет» Утрат. Стремлением выстроить аналитику как работу, причастную к хозяйственной «бухгалтерии» Зедльмайра, определяется замысел второй главы диссертации. Поэтому обзор «утрат». «Середина» Зедльмайра – это Бог. «Утраченная середина человека – это именно Бог». Но на самом деле не только Бог. «Середина» у Зедльмайра – это метафора с плывущими очертаниями означаемого. Там, где Зедльмайр акцентирует «меру» и «норму», «серединой» оказывается «человеческое» бытие. Хозяйская боль Зедльмайра от возможной утраты середины бытия – точка опоры логики *главы «Вопрос о “Культуре с большой буквы” как ключевая проблема современной культурологии. Четыре аргумента в защиту Культуры», второй* в диссертации. Объем утрат в ней распределен по четырем категориям: красота, смысл, бытие, надежда. Они соответствуют четырем стратегиям критики Культуры и четырем группам

аргументов в защиту Культуры. Поэтому во второй главе четыре параграфа. В отрицании Культуры Беньямином есть моменты и второй, и третьей, и четвертой стратегий, но начинается он с отрицания Красоты. Эта же невозможность красоты в современном мире – доминанта философии культуры Т. Адорно. А затем и Г. Маркузе. Поэтому ответы и Беньямину, и Адорно, и Маркузе – в *первом параграфе «Утрата красоты: Эстетический аргумент»*.

Второй и третий параграфы объединены общей темой, критикой редуционизма. Исходная и основная его форма – марксистский редуционизм, редуцирующий полноту бытия человека к классовому инстинкту. Это и есть путь к утрате бытия. Во *втором параграфе «Утрата смысла: Эпистемологический аргумент»* редуционизм критикуется с точки зрения эпистемологии, как ряд эпистемически некорректных процедур, это «эпистемологический аргумент» в защиту понятия Культуры; в *третьем параграфе «Утрата бытия: Онтологический аргумент»* непосредственным предметом размышления становятся онтологические следствия редуционизма, деформации жизненного мира человека, его социального и антропологического бытия. Это «утрата бытия», это «онтологический аргумент».

Важнейшее событие для становления современной гуманитаристики – универсализация марксистского редуционизма, произошедшей в точке рождения постколониализма. Этот акт универсализации редуционизма и стал решающим событием, запустившим процесс обвального конструирования новых «наук» о культуре, т.е. процесс формирования радикально новой парадигмы современного гуманитарного знания. Здесь размышление возвращается к тому контексту, с которого начиналось диссертационное исследование, факту системного единства новейшего гуманитарного знания. Здесь появляется возможность указать на системные основания такого единства. Это именно возможность умножения редуционизма методом простого почкования в новых «науках». Каждая новая «наука» – новая угроза Culture, новое пророчество её гибели. История образования парадигмы новейшего гуманитарного знания – это история ускорившегося и ставшего радикально агрессивным Суда над Culture. Центральное событие в истории складывания парадигмы новейшей гуманитаристики – рождение постколониализма. Постколониализм в точке своего появления существенно опирался на культуральные исследования, на понимание культуры как территории конфликтов социальных групп. А затем уже культуральные исследования в процессе трансформации из состояния «гуманистического марксизма» в радикальный конструктивизм опираются на постколониальную универсализацию редуционизма. Вскоре после своего рождения в книге Саида «Ориентализм» постколониализм переживает трансформацию в работах Г. Спивак. Он становится радикально «фуколдианским» (у Э. Саида он таким не был). Собственно, это и есть точка рождения новейшего гуманитарного знания. И одновременно точка рождения современной конструктивистской культурологии. И точка радикализации суда над Culture. В исследованиях 1985-1995 гг. Г. Спивак, Х. Бхабха, П. Гилроя,

Дж. Маккензи, С. Гринблата, Н. Лиска, Дж. Шарп, С. Майер и других производство деконструкций редуционистских «репрезентаций» было отлажено до глянца, до состояния хорошо работающей машины. Затем к работе конвейера производства редуционистских репрезентации подключился феминизм, тоже в этой точке переродившись, став «постфеминизмом». Монументальным философским рубежом нового феминизма стали работы Дж. Батлер и С. Файерстоун, а главное произошло в регулярной практической аналитике, в исследованиях Э. Бронфен, Э. Брукс, Э. Гarrisон, С. Джилис, Р. Мамфорд, Г. Поллок, Дж. Руф, Э. Фридман, С. Хесс-Бибер и многих других. Новый феминизм, как и постколониализм, стал фабрикой производства деконструкций репрезентаций. Элементарность аналитики стала тем цементом, с помощью которого образовалось здание новых «наук». Почти сразу после появления нового феминизма появляются и вскоре становятся академической дисциплиной «исследования тела» (Э. Аннандэйл, С. Бордо, Д. Вейнберг, А. Лок, Н. Ричардсон, Н. Салливан, Б.С. Тёрнер). Затем “fashion studies”, “sport studies” “gay and lesbian studies”, “trauma studies” и т.д. и т.п. Каждая новая «наука» – новый лик редуционизма. Постколониализм редуцировал европейского человека к имперскому инстинкту. Постфеминизм редуцировал человеческое бытие к сексизму или к противостоянию сексизму. «Исследования памяти» свели человеческую память к беспомыслию, «исследования травмы» редуцировали нормального человека, способного преодолевать трудности, к полностью беспомощному существу и т.д. и т.п. Редуционизм множится, множится и множится. Неизбежное следствие редуционизма – утрата бытия. Культивирующая редуционизм конструктивистская культурология оказывается мелочной бухгалтерией, убивающие живое человеческое бытие.

Четвертый параграф второй главы «*Утрата надежды: Прагматический аргумент*» уточняет выводы п. 2.3. в перспективе Утопии. По Марксу-Адорно-Маркузе-Лакану-Делёзу-Жижеку человечество до сих пор жило плохо, очень плохо, поэтому весь его опыт подлежит отмене, память о нем – стиранию; в пробирке следует создать новое человечество, способное к бунту (и одновременно по Лакану-Жижеку подмороженное), новую расу. Суд над Культурой, устроенный критической теорией, – следствие и итог признания всего совокупного человеческого опыта ничтожно значимым. Ответ очевиден: конструктивистская культурология – еще одно лицо Большой Утопии. Еще одна ипостась тоталитаризма, путь к новому Освенциму.

Название *третьей главы* – «*Идея культуры и идея Культуры*». Рассмотренные во второй главе диссертации варианты суда над Культурой не исчерпывают все формы её критики. Вне рассмотрения остался «демократический» вариант, когда Культура критикуется за насилие над культурными практиками, связанными с жизнью больших народных масс. Этот вариант исследуется в разделе «*Диалектика “высокого” / “низкого” в Культуре*», *первом параграфе* третьей главы. В этой ситуации «высокая

культура» противопоставляется «массовой культуре» как нечто мертвое, противостоящее живому.

Многообразие вариантов культивирования массовой культуры в диссертации распределено по пяти стратегиям. Первые три – это варианты неявной «подмены» предмета, когда то, что на поверхности выглядит культивированием «масскульта», по существу оказывается культивированием чего-то иного. Так, В. Беньямину интересен авангард, а С. Холлу – элитарный джаз. Самая популярная – третья стратегия. Это ситуация, когда массовой культуре приписывается «эмансипаторная функция», теоретически зафиксированная Дж. Фиске. Наиболее монументальное воплощение эта стратегия обрела в России, в книге В. Куренного «Философия фильма». Похожих моделей в западной научной литературе сотни (концепции П. Гасса, Д.М. В. Ирвинга, Д. Ковальски, А. Макониса, М. Пиглиуччи, Дж. Поч, М.Д. Уайта, М.Д. Фишер и многих других). В конце п. 3.1. конструктивистским подходам противопоставляются реалистические традиции. Есть основания вспомнить о том, что делалось в этом плане в СССР, в работах Г.К. Ашина, В.Л. Глазычева, Б.А. Грушина, Ю.Н. Давыдова, Е.Н. Карцевой, А.В. Кукаркина, А.Н. Николюкина, К.Э. Разлогова, И.Б. Роднянской, Д.М. Урнова, В.П. Шестакова. А до них был еще и М.М. Бахтин. Обращаясь к опыту реалистичной мысли, можно понять взаимоотношения «высокого» и «низкого» в культуре не во враждебном противостоянии, а в диалектике взаимосвязей.

Параграф 3.2., последний в диссертации, – итоги по «гамбургскому счету», рассмотрение идеи Культуры в нем заканчивается размышлением об идее культурологии; его название: *«От реалистичной идеи Культуры к идее реалистичной культурологии»*. Идея конструктивистской культурологии – «симптоматическое» понимание культуры. Культура, по С. Холлу, – поле, раздираемое конфликтами пола и расы. Идея реалистической культурологии – единство. Человечество в целом – благо. Совокупный человеческий опыт – благо. Культура – пространство понимания. Конфликты бывают. Но дело Культуры их не множить, а преодолевать. Репрезентативный сюжет, доказывающий это – история контркультуры. Она появилась как нельзя вовремя. История её зарождения и утверждения в точности совпадает с историей cultural studies. И это символично. Появление контркультуры было вызовом. Вызовом именно культуральным исследованиям. Потому что она была более чем подлинно, более чем фундаментально массовой. Не откликнуться Бирмингемский центр не мог. С. Холл и лидеры первых выпусков CCCS (Т. Беннет, П. Уиллис, Д. Хебдидж) попытались взять контркультуру под контроль. Но контркультура, вместо того, чтобы всегда оставаться верной принципам массовости и искать оправдание себя только в политическом радикализме, устремилась ввысь, к идеалам Культуры. Итог – полное поражение конструктивистской культурологии, полная неспособность понять смысл происходящего. Проблема в том что, не будучи в состоянии взять под контроль саму контркультуру, культуральные исследования смогли взять под контроль

исследования контркультуры. Отсюда те проблемы в понимании культурного творчества молодежи 1960-1970-х годов (и последующих), которые очевидны сегодня. Исследований много (Г. Альтушулер, Ф. Ауслендер, Т.С. Браун, П. Браунштейн, Л. Гроссберг, Т. Джефферсон, Дж. Кларк, Э. Макан, Г. Мердок, Т. Роззак, В. Струо, Б.Д. Фолк и другие), но пробелы очевидны.

И тогда еще раз: идея культуры – в стремлении к идеалам Культуры. А идея культурологии – быть службой защиты Культуры.

Основные положения диссертации представлены в монографиях и статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах. Всего опубликовано 36 работ общим объемом 57,2 п.л. Из них 2 – монографии (23 п.л.), 34 – научные статьи (34,2 п.л.). Наиболее значимые публикации:

1. Мартынов В.А. Метод и время. Проблема метода в практике современных гуманитарных исследований/ Мартынов В.А. - Омск: Изд-во ОмГА, 2021.- 224 с. (14 п.л.)

2. Мартынов В.А. Закат филологии / В.А. Мартынов // Вестник омского университета. – 2014. – № 3. – С. 166-175 (1 п. л.).

3. Мартынов В.А. Опыт культурологии / В.А. Мартынов // Вопросы культурологи. – 2015. – №. 3. – С. 33-45 (1 п. л.).

4. Мартынов В.А. Антропологические аспекты социальной эпистемологии / В.А. Мартынов // Вестник Омского университета. – 2015. – № 1. – С. 75-80 (0,5 п. л.).

5. Мартынов В.А. Письмо в редакцию / В.А. Мартынов // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 1. – С. 326-330 (0,5 п. л.).

6. Мартынов В.А. «Сценическая роль» Италии в историософской режиссуре любомудрия / В.А. Мартынов // Вестник омского университета. – 2015. – № 1. – С. 169-173 (1 п. л.).

7. Мартынов В.А. О векторах и пределах современного понимания демократии / В.А. Мартынов // Идеи и идеалы. – 2017. – № 3 (33). – С. 32-41 (1 п. л.).

8. Мартынов В.А. «Критическая» философия культуры: актуальные контексты и «точка сборки» / В.А. Мартынов // Идеи и идеалы. – 2020. – Том 12. № 3, часть 2. – С. 260-289 (1,5 п. л.).

9. Мартынов В.А. «Культуральные войны»: Теоретические проблемы истории «поворота» в науках о культуре (статья первая) / В.А. Мартынов // Общество. Среда. Развитие. – 2021. – № 4 (61). – С. 8-18 (1,5 п. л.).

10. Мартынов В.А. «Культуральные войны»: Теоретические проблемы истории «поворота» в науках о культуре (статья вторая) / В.А. Мартынов // Общество. Среда. Развитие. – 2022. – № 1 (62). – С. 3-13 (1,5 п. л.).

11. Мартынов В.А. Культурология и постколониальные исследования (статья первая) / В.А. Мартынов // Человек. Культура. Образование. – 2022. – № 1 (43). – С. 126-149 (1,5 п. л.).

12. Мартынов В.А. Культурология и постколониальные исследования (статья вторая) / В.А. Мартынов // Человек. Культура. Образование. – 2022. – № 1 (44). – С. 108-130 (1,5 п. л.).
13. Мартынов В.А. Возможна ли реалистичная культурология современности? (статья первая) / В.А. Мартынов // Общество. Среда. Развитие. – 2022. – № 2 (63). – С. 38-49 (1,5 п. л.).
14. Мартынов В.А. Возможна ли реалистичная культурология современности? (статья вторая) / В.А. Мартынов // Общество. Среда. Развитие. – 2022. – № 3 (64). – С. 32-42 (1,5 п. л.).
15. Мартынов В.А. Культурология «начерно, шепотом» (К юбилею «литературоцентристской» культурологии) / В.А. Мартынов // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14. № 3, ч. 2. – С. 325-350 (1,5 п. л.).
16. Мартынов В.А. Россия как эпистемическая демократия (эпистемологический и культурологический комментарий к политической теории) / В.А. Мартынов // Общество. Среда. Развитие. – 2022. – № 4. – С. 67-77 (1,5 п. л.).